

УДК 81-11

**PUBLICISTIC DISCOURSE AS AN OBJECT
OF LINGUISTIC AND RHETORICAL RESEARCH
ПУБЛИЦИСТИЧЕСКИЙ ДИСКУРС КАК ОБЪЕКТ
ЛИНГВОРИТОРИЧЕСКОГО ИССЛЕДОВАНИЯ**

Vorozhbitova A.A. / Ворожбитова А.А.*d.philol.s., d.p.s., prof. / д.филол.н., д.п.н., проф.***Goliontseva I.V. / Голионцева И.В.***graduate student / аспирант**Sochi State University, Sochi, Plastunskaya Street 94, 354 000**Сочинский государственный университет, Сочи, ул. Пластунская, 94, 354 000*

Аннотация. В статье охарактеризован публицистический дискурс как объект лингвориторического (ЛР) исследования и интерпретации. В качестве лингвистических коррелятов аргументов как риторических мыслеречевых структур позиционируются описанные Г.А. Золотовой пять коммуникативных типов, или регистров, речи, различаемые с точки зрения интенций говорящего и уровня абстракции от отображаемой в речи действительности.

Ключевые слова: лингвориторический (ЛР) подход, публицистический дискурс, аргументы, коммуникативные регистры речи.

Abstract. The article characterizes publicistic discourse as an object of linguistic and rhetorical research and interpretation. In the form of linguistic correlates of arguments as rhetoric speech-and-idea structures five communicative types or registers of speech described by G.A. Zolotova and distinguished from the point of view of the speaker and the abstraction level from the depicted reality in speech are positioned.

Keywords: Linguistic and Rhetorical (L&R) Approach, publicistic discourse, arguments, communicative speech registers.

Вступление.

Основы лингвориторической (ЛР) интерпретации изначально разрабатывались на материале (художественно-)публицистического дискурса. При его исследовании для нас были актуальны общие принципы анализа агональных (нацеленных на воздействие) дискурс-текстов, дискурс-практик, дискурс-ансамблей. Так, согласно Ю.Н. Караулову, момент публицистичности органически присущ любому художественному произведению, порождается спецификой самого литературного текста и является одним из средств воздействия произведения на адресата; «где присутствует образ автора... неизбежен дух публицистичности», причем у подлинного мастера «публицистичность органично соединяется с изобразительностью и образностью» [Караулов 1987: 110].

Обсуждение.

Анализ системы дискурсивных процессов и отдельного дискурс-текста в свете «отраженной риторики» базируется, как известно, на следующих принципах: а) «фиксированности» (риторическая сила и даже смысл обнаруживаются в поверхностной речевой структуре); б) «закрытости» (вскрытие текста производится новым текстом); в) «переноса» (агональный текст не создает убеждения, а транспонирует уже имеющееся убеждение

адресата на свой объект и на уровне фигур, и на уровне аргументов) [Безменова 1986: 90]. Данные принципы в максимально чистом виде реализуются именно в публицистическом дискурс-тексте как наиболее риторически прозрачном, типологически ближайшем к ораторской речи. Авторская интенция, реализующаяся в этосной, логосной и пафосной ипостасях дискурсивно-текстообразующего процесса, выражается здесь наиболее эксплицитно. Интенционно оформившаяся деятельностно-коммуникативная потребность публициста организует небольшое по объему речевое произведение в фокус огромной иллюкутивной (направленной на воздействие) силы, призванной вызвать запланированный перлюкутивный (воздействующий) эффект.

Специфика публицистического жанра – в конституирующей его ответственности, в побуждении читателя к определенному умонастроению или даже поступку. Однако степень воздействия того или иного публицистического дискурс-текста может быть различной. С этой точки зрения целесообразно разделить публицистические жанры на две разновидности – повествовательную и риторическую (ораторскую) прозу. Специфику ораторско-публицистического дискурса, на наш взгляд, определяет именно то, что экстралингвистические факторы играют здесь первостепенную роль. Инспирированная ими авторская интенция – коммуникативное намерение – зарождается на мотивационном уровне языковой личности (ЯЛ), в ее прагматиконе как доминирующая на определенный период времени деятельностно-коммуникативная потребность. В данном случае интенция, одушевляемая этосом («нравы»), наиболее наглядно выступает в роли «пускового механизма» дискурсивно-текстообразующего процесса. Так, страстный протест Л.Н. Толстого по поводу смертной казни крестьян выразился в его знаменитой статье «Не могу молчать!». Уже на этой, преддиспозитивно-ориентировочной, стадии возникает концепт дискурс-текста, зародыш инвенции (изобретения мысли), как тот угол зрения, ракурс, в котором будет проходить дальнейшая мыслительная обработка темы, ее расчленение на парадигму субконцептов в результате мысленного диалога с предполагаемым адресатом и предметом речи. В полном виде инвенция, как и диспозиция (расположение) – линейно-синтагматическое развертывание референта – осуществляются на лингвокогнитивном уровне ЯЛ, в ее тезаурусе, который схематически можно считать епархией логоса («аргументы»). Наконец, этап элокуции – третий шаг универсального идеоречевого цикла «от мысли к слову» – в структуре ЯЛ соответствует ее вербально-семантическому уровню, на котором в полную силу, в зависимости от темперамента и языкового мастерства ратора, развертывается пафос («страсти»), рождающий ответный этос реципиента – аффективное состояние получателя речевого сообщения [Дюбуа и др. 1986] – как сложный сплав его мыслей, чувств, эмоций. В этом психолингвистическом процессе ведущую роль играют риторические фигуры – матаболы.

Если рассматривать аргумент как первичную ЛР структуру публицистического дискурс-текста (а в расширительном смысле – ср. словосочетание «художественный аргумент» – и других видов дискурс-практик

литературно-художественной коммуникации), то именно в его рамках целесообразно изучать такие «чисто лингвистические» явления, как лексико-семантическое своеобразие и грамматические особенности авторского идиостиля, вопросы лексико-грамматической координации и специфическое воплощение речевой доминанты и др. Стремление поставить частные виды лингвистического анализа, как и элементы литературоведческого, «на службу аргументу» должно помочь выявлению закономерностей его функционирования в качестве важнейшего реализатора риторической функций языка как трансцендентной по отношению к другим [Дюбуа и др. 1986], тем более что, согласно М.М. Бахтину (Волошинову), язык в процессе его практического осуществления неотделим от своего идеологического или жизненного наполнения, а система нормативно тождественных форм вовсе не является действительным модусом бытия языка для сознаний говорящих на нем индивидов [Волошинов 1993: 77].

Аргумент как специфическая мыслеречевая структура выступает ведущим компонентом публицистического дискурса-текста; будучи по своей природе инвентивным звеном, он одновременно выполняет необходимые диспозитивные функции и служит канвой для идиостилевой элокутивной расцветки. Внешними топосами аргумента выступают культурные концепты; внутренними (топами) – «общие места» классической риторики. Последние группируются в четыре основных разряда: «до предмета», «в предмете», «после предмета», «вне предмета» (их вторым рождением на новом витке спирали можно считать «крест реальности» О. Розенштока-Хюсси как «гуманитарное пространство»). Для прикрепления конкретного факта («казуса») к топосу аргумента служит разветвленная система доводов. Ведущую роль для публициста играют «искусственные» доводы «к человеку» – этосные («к состраданию», «к отвержению») и пафосные («к угрозе», «к обещанию»). Они подкрепляются доводами «к логосу», а также «естественными» доводами «к очевидному». Активно используются вспомогательные доводы («к доверию», «к глобальному доверию») (см.: [Хазагеро, Ширина 1994]).

С позиций комплексного ЛР подхода установлены лингвистические корреляты для аргументов как риторических мыслеречевых структур. Как показали наши исследования, таковыми можно считать описанные Г.А. Золотовой пять коммуникативных типов, или регистров, речи, различаемые с точки зрения интенций говорящего и уровня абстракции от отображаемой в речи действительности [Золотова 1995]. Репродуктивный регистр, сообщающий о наблюдаемом, лингвистически формирует «естественные» доводы «к очевидному». Информативный регистр, сообщающий об известном говорящему или познаваемом, а также генеративный, обобщающий информацию, соотнося ее с универсальным знанием, служат оформлению «искусственной» аргументации «к логосу». Реактивный, выражающий оценочную реакцию на речевую ситуацию, обслуживает доводы «к этосу». Наконец, волюнтивный, т.е. побуждающий адресата к действию, речевой регистр в наиболее чистом виде задействуется при формировании доводов «к пафосу». Таким образом, служащая

инструментом для композиционно-синтаксического анализа дискурс-текста типология коммуникативных регистров может выступать лингвистической составляющей ЛР анализа дискурса как формируемого ЯЛ ментального пространства. Согласно теории Ю.Н. Караулова, аргументация формируется при участии всех уровней структуры ЯЛ. Ассоциативно-вербальный, лингвокогнитивный, мотивационный уровни, актуализированные экстралингвистическими факторами, встраиваясь в дискурс-текст по каналу того или иного регистра, участвуют в создании субъектной перспективы, объединяющей и дифференцирующей ипостаси субъекта действующего и говорящего, наблюдающего мир и мыслящего о нем (Н.К. Онипенко).

Особая роль, на наш взгляд, принадлежит доводам «к очевидному», выступающим в качестве маркеров адекватности речи действительному референту. Как известно, некоторые слова языка имеют непосредственные «выходы» к внеязыковой реальности, они определены в терминах наблюдаемых предметов или фактов (лес, шуметь, дети, гулять). А другие слова и выражения определены только через их внутриязыковые преобразования, совершающиеся посредством предложения. Так, *шум, прогулка* определены через *шум леса, прогулка детей* и сводимы к *лес шумит, дети гуляют* [Степанов 1990: 440]. Такие ЛР структуры, как «естественные» доводы «к очевидному», имеют выход в экстралингвистическую реальность (принцип изоморфизма). Маркерами, сигнализирующими о достоверности транслируемой информации, выступают глаголы *видел, слышал, чувствовал*, конструкции доверия к говорящему («по словам ...» и др.). Это фактически единственный мыслеречевой канал, по которому сообщаются ментальное пространство, вариативная интерпретация действительности и окружающий нас реальный мир. Денотативный лексический слой, номинации наблюдаемых предметов или фактов служат прочным мостом, соединяющим мышление и действительность.

Бесперебойное функционирование этого механизма не обеспечивается само собой, особенно в тоталитарном обществе, он должен сознательно «ремонтиться», чтобы противостоять тенденции второй сигнальной системы стать языковым фильтром сознания, его языковой ширмой (см., в частности, работы И. Павлова, Э. Фромма и др.). Все другие – искусственные – доводы (логосные, этосные и пафосные) моделируются через внутридискурсивные преобразования в рамках конкретных дискурс-универсумов. Поэтому в полемическом дискурсе как сложном, гетерогенном действительность (референт, предмет речи), рассматриваемая с разных идеологических позиций, является одной и той же, в то же время при одном денотате сигнификат и коннотат различны, вплоть до альтернативных.

Согласно традиции, заложенной Аристотелем, различают два рода топик, или тем: специальные и общие – предмет общей риторики. Общие темы делились на описание того, а) что произошло и чего не было, б) что будет и чего не случится, в) что может (могло, должно) или не может (не могло, не должно) произойти, и, наконец, г) суждение о мере, масштабе, соотношении и пр. существующих вещей и явлений. Логические доводы были объединены с

естественными доказательствами под общим названием «*ad rem*» («по существу»), остальные искусственные доказательства получили название «*ad hominem*» («к человеку») (см. подробнее: [Хазагеров, Ширина 1994: 28–30]).

Аргументацию, раскрывающую и определяющую выбор одной из альтернатив, представленных в этих темах, принято было делить на:

1) **естественные доказательства**, т.е. все то, что позже было названо «эвиденцией», например, свидетельские показания, документы, данные экспертизы и научного анализа и пр.;

2) **искусственные доказательства**:

а) *логические*, которые подразделялись на:

– индукцию, куда входили научная индукция, а также аналогия или даже обращение к отдельным примерам;

– дедукцию, которая включала силлогизмы, опирающиеся на научно доказанные посылки, и энтимемы, посылки которых отличались лишь известной вероятностью;

б) *этические*, апеллирующие к общности нравственных, морально-этических норм убеждающего и убеждаемых;

в) *чувственные*, обращенные к страстям, настроениям, опасениям убеждаемых и т.п.

Аргумент в публицистике – частный случай реализации аргумента как универсальной ЛР структуры, специфически реализующейся также в остальных функциональных стилях, в том числе языке художественной литературы; «риторический принцип постоянно толкает литературу к интонации судебного разбирательства»: разъяснению, обвинению, защите, реконструкции событий сквозь призму одной из сторон [Аверинцев 1991: 19]. Если риторика понимается в духе Аристотеля как искусство убеждать, «поэтику позволительно рассматривать как «инобытие» риторики, особо выделяемый внутри нее раздел» [Там же: 17].

Заключение и выводы.

Итак, важнейшими составляющими публицистического дискурс-текста являются, с одной стороны, инвентивно-логическое начало, принадлежащее сфере теории аргументации, с другой стороны – элокутивно-экспрессивное. Как вид ораторской прозы публицистический дискурс-текст – одно из сложнейших риторических образований, что проявляется как в содержании дискурс-текста, отражающего наблюдения над жизнью и включенные в них размышления автора, так и в его речевой форме как единстве его логической и экспрессивной структур. Их различие состоит в том, что логическая структура выражает суть описанной автором целостной картины жизни, а эмотивность экспрессивной лексики связана с деталями картины и лишь в своей совокупности может пониматься как системно-структурное образование. Между логической и экспрессивной структурами в публицистике существует диалектическая взаимообусловленность, которую можно квалифицировать как *инвентивно-элокутивную координацию*. С одной стороны, экспрессивная лексика несет в себе отпечаток общей логики текста, подчиняется ее целям и задачам. С другой – сама логика дискурс-текста приобретает с их помощью особую

выразительность и убедительность. Более того: сила и убедительность логики автора тем выше, чем большее эмоциональное потрясение лежит в основе замысла его статьи. Особенно наглядным с ЛР исследовательских позиций является проанализированный в трудах Сочинской школы публицистический дискурс периода Великой Отечественной войны, когда с огромной силой проявился мобилизующий, воздейственный потенциал публицистических дискурс-практик Л. Леонова, А. Толстого, И. Эренбурга, О. Берггольц, билингва А. Довженко и многих других.

Литература:

Аверинцев С.С. Античная риторика и судьбы античного рационализма // Античная поэтика: риторическая теория и литературная практика. М.: Наука, 1991. С. 3–26.

Безменова Н.А. Массовая информация в свете «отраженной риторики» // Роль языка в средствах массовой коммуникации: сборник обзоров. М.: ИНИОН, АН СССР, 1986. С.82–99.

Волошинов В.Н. (М.М. Бахтин). Марксизм и философия языка: Основные проблемы социологического метода в науке о языке // Комментарий В. Махлина. М.: Лабиринт, 1993. 191 с.

Дюбуа Ж. и др. Общая риторика // Пер. с фр. / Ж. Дюбуа, Ф. Пир, А. Тринон и др.; общ. ред. и вступ. ст. А. К. Авеличева. М.: Прогресс, 1986. 392 с.

Золотова Г.А. Говорящее лицо и структура текста // Язык – система. Язык – текст. Язык – способность: сборник статей к 60-летию члена-корреспондента РАН Ю.Н. Караулова / ред. Ю.С. Степанов, Е.А. Земская, А.М. Молдован. М.: Институт русского языка РАН, 1995. С. 120–132.

Караулов Ю.Н. Русский язык и языковая личность. М.: Наука, 1987. 263 с.

Степанов Ю.С. Семантика // Лингвистический энциклопедический словарь / Под ред. В.Н. Ярцевой. М.: Советская энциклопедия, 1990. С. 438–440.

Хазагеров Т.Г., Ширина Л.С. Общая риторика: Курс лекций и Словарь риторических фигур: учебное пособие / Отв. ред. Е.Н. Ширяев. – Ростов н/Д., 1994. 320 с.

References:

Averincev S.S. Antichnaja ritorika i sud'by antichnogo racionalizma // Antichnaja pojetika: ritoricheskaia teorija i literaturnaja praktika. M.: Nauka, 1991. S. 3–26.

Bezmenova N.A. Massovaja informacija v svete «otrazhennoj ritoriki» // Rol' jazyka v sredstvax massovoj kommunikacii: sbornik obzorov. M.: INION, AN SSSR, 1986. S.82–99.

Voloshinov V.N. (M.M. Bahtin). Marksizm i filosofija jazyka: Osnovnye problemy sociologicheskogo metoda v nauke o jazyke // Komment. V. Mahlina. M.: Labirint, 1993. 191 s.

Djubua Zh. i dr. Obshhaja ritorika // Per. s fr. / Zh. Djubua, F. Pir, A. Trinon i dr.; obshh. red. i vstup. st. A. K. Avelicheva. M.: Progress, 1986. 392 s.

Zolotova G.A. Govorjashhee lico i struktura teksta // Jazyk – sistema. Jazyk – tekst. Jazyk – sposobnost': sbornik statej k 60-letiju chlena-korrespondenta RAN Ju.N. Karaulova / red. Ju.S. Stepanov, E.A. Zemskaja, A.M. Moldovan. M.: Institut russkogo jazyka RAN, 1995. S. 120–132.

Karaulov Ju.N. Russkij jazyk i jazykovaja lichnost'. M.: Nauka, 1987. 263 s.

Stepanov Ju.S. Semantika // Lingvisticheskij jenciklopedicheskij slovar' / Pod red. V.N. Jarcevoj. M.: Sovetskaja jenciklopedija, 1990. S. 438–440.

Hazagerov T.G., Shirina L.S. Obshhaja ritorika: Kurs lekcij i Slovar' ritoricheskikh figur: uchebnoe posobie / Otв. red. E.N. Shirjaev. – Rostov n/D., 1994. – 320 s.